

и функции, которые выполняют актанты в качестве денотатов в объективной действительности. Устанавливаются дистриктивные признаки актантов в семантической структуре предложения, характеризующие актант как 1. исходный пункт направленности предикативного признака, 2. конечный пункт направленности предикативного признака и т. п. В рамках „главных“ признаков выделяются признаки частные, напр.: в рамках первого признака различаются деятель (активный и неактивный, прямой и косвенный) и носитель признака (прямой и косвенный) и так далее. Все это наглядно показывают таблички и схемы, которые графически изображают трактовку данного дистриктивного признака.

Работа Гелены Беличовой включает обширный иллюстративный материал, который, хотя и в очень сжатом виде, подкрепляет авторские выводы. Конечно, при такой максимальной сгущенности материала не могли быть отмечены все семантические нюансы конструкций с простыми и предложными падежами. Работа содержит богатую библиографию, русское резюме, но, к сожалению, чувствуется недостаток предметного указателя.

Монография доц. Беличовой является логическим продолжением и углублением предыдущих научных изысканий автора. Работа написана на высоком теоретическом уровне, отличается богатым ссылочным и библиографическим материалом, который поможет ориентироваться во многих вопросах современной грамматики.

Милена Становска

Блажо Блажев: Употребление конструкций направления и места в современном русском языке. Народна просвета, София 1975, 335 стр.

В лингвистической литературе до сих пор сравнительно редко появляются публикации, посвященные вопросам отношения пропозиции и локализации действия. Одним из лингвистов, систематически исследующих названную проблематику, является болгарский русист Б. Блажев. После нескольких статей, опубликованных в журналах, вышла в свет монография, представляющая собой итог его исследований. Автор в ней анализирует употребление конструкций, включающих обычно предложный/творительный падеж в значении места, или, с другой стороны, винительный падеж в значении направления, или же, наконец, наречия с соответствующим значением.

Интересен тот факт, что эта работа возникла не в русской языковой среде. Импульсом для ее возникновения послужила, несомненно, потребность объяснить носителям болгарского языка русские языковые явления, которые чужды болгарам (морфологическая система болгарского языка не располагает формальными средствами, соответствующими названной падежной оппозиции в русском языке). Заметно, что представленная в монографии проблематика не менее интересна и для чехов, так как в чешском и русском языках имеются практически одинаковые формальные средства для выражения локализации действия, однако в обоих языках наблюдаются существенные различия в их дистрибуции. В то время как в чешском языке после глаголов направленного действия почти всегда стоит конструкция направления, в русском здесь часто возможны разные предложно-падежные варианты с предложным или творительным пад., напр.: *Vešla do sálu a sedla si do třetí fady. — Она вошла в зал и села в третьем ряду.*

При обработке материала автор применил весьма трудоемкий прием лингвистического эксперимента. Он не ограничился лишь анализом выписанного материала, но привлек и достаточное количество информантов — лингвистически подготовленных лиц, преподавателей и студентов русского языка в советских вузах, т. е. он использовал метод анкетирования. Таким путем он проверил около 4.000 языковых единиц, в составе которых находилась конструкция места/направления, причем каждая обсуждалась, как правило, десятью лицами. Этот прием должен, по нашему мнению, гарантировать объективность полученных результатов.

Во вводной части работы объясняются приемы исследования. Следующая глава посвящается анализу основных понятий семантического анализа, связанных с предметом исследования. В третьей, довольно обширной части, рассматриваются теоретические вопросы употребления конструкций места и направления в современном рус-

ском языке. Автор в ней обобщает отдельные факты, вытекающие из анализа конкретных языковых единиц. Он стремится определить широкий круг факторов, влияющих на выбор конструкции места или направления, причем вполне справедливо наиболее важными считает факторы денотативного характера. При этом обнаруживается, что в русском языке форма конструкции с локальным значением в меньшей степени зависит от значения глагола, чем, напр., в чешском. Вследствие этого при определении содержания ключевых понятий „значение места/направления“, автор не опирается на семантику глагола, а исходит из членения локализации на „общую“ (с субкатегориями „обшестное/обнаправительное“ значение) и „конкретную“ („конкретностное“ или „конкретнонаправительное“ значение). На основании этого как определяющие форму конструкции с локальным значением выделяются такие факторы, как детализация значения места или предмета, затрагиваемого действием, или же самого действия, а вместе с тем как второстепенный фактор и величина предмета. Так, напр., возможность понимать действие как членимое позволяет употребить конструкцию места, т. е. предложный падеж, в высказываниях типа *Самолет приземлился на лужайке*, потому что говорящий в данном случае имеет в виду лишь конечный этап действия. Детализация места и действия определяет выбор конструкции места в высказываниях как *Он расставил горшки на подоконнике*. Наоборот, в тех случаях, когда детализация представляется невозможной, употребляется только конструкция направления, что отчетливо демонстрируется примером *Он повесил пальто на тонкий гвоздь*. Однако следует заметить, что в ряде случаев речь идет не столько о фактическом членении, сколько о детализации места или предмета в мысли говорящего, т. е. сущность явления относится к области психолингвистики.

Помимо перечисленных, в работе приводятся еще ряд факторов, которые в известной степени влияют на форму локальной конструкции. Из результатов опроса вытекает, что разные лица оценивают возможность употребления той или иной конструкции неодинаково, часто даже противоположно. Это, очевидно, вызвано тем, что они по-разному понимают обсуждаемую ситуацию и при выборе конструкции места или направления учитывают разные аспекты этой ситуации. Эта предпосылка и подтверждается многими примерами. Поэтому определение каких-либо правил употребления конструкций места и направления в конкретных предложениях представляет очень трудную задачу.

Последний раздел монографии — словарная часть, содержащая около 80 словарных статей, охватывающих лексические единицы, которые наиболее часто бывают носителями значения места или направления. Раздел богат материалом и отличается тщательным его анализом. Кроме конкретных примеров, здесь полностью приводятся и результаты проведенного опроса. Некоторые статьи содержат еще и краткий комментарий, рассматривающий вопросы, анализ которых нельзя было включить в теоретическую часть.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что автору рецензируемой монографии удалось объяснить многие до сих пор спорные вопросы, связанные с проблематикой локализации пропозиции в русском языке. Кроме того, он указал на множество факторов, которые необходимо иметь в виду при изучении всей проблематики, и наметил перспективные пути для дальнейших исследований. По нашему мнению, один из этих путей представляет попытка объединить результаты исследования в целостную систему, в которой содержалась бы и дифференциация (или иерархизация) отдельных факторов по их значению при оформлении локальной конструкции, включая определение правил употребления конструкций места и направления в современном русском языке. Результаты такой работы несомненно нашли бы применение и в наших вузах.

Ян Штурала

Аделаида Константиновна Смольская, Дамьян Петков Митев: Русское словообразование. Имена. Государственное издательство „Народна просвета“, София 1978, 133 стр.

Внимание к словообразованию в последних десятилетиях возрастает, о чем свидетельствует и пособие, написанное известными языковедами А. К. Смольской и Д. П.